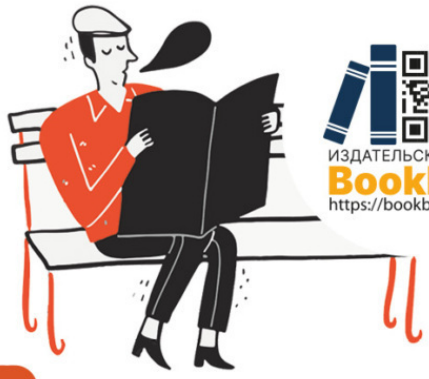
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
BookBox
https://bookbox.center



ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

СИТУАЦИИ

реалистичные истории
от первого лица
и не только

Коллектив авторов

Литературный журнал «Ситуации»

«BookBox»

2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)-5

Коллектив авторов

Литературный журнал «Ситуации» / Коллектив авторов — «BookBox», 2024

ISBN 978-5-907925-21-2

В коллективный сборник вошли реальные истории, жизненные ситуации, рассказанные или пересказанные современными авторами. Это автобиографические зарисовки и воспоминания, очерки о животных, борцовские байки и мистические были, а также рассказы о времени ВОВ и сражении на Халхин-Голе. Как и сама жизнь, сборник сочетает произведения юмористического жанра и драматические переживания о смерти, одиночестве, предательстве, обидах и недопонимании.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)-5

ISBN 978-5-907925-21-2

© Коллектив авторов, 2024
© BookBox, 2024

Содержание

Федор Абрамов 6
Дружба с медвежонком 6
От автора 6
Рассказ дяди Серёжи 6
Тамара Антонова 9
Яшка 9
Виктор Балена 11
ГИБДД быть! 11
Наталья Баскакова 13
Судьбу не обойдёшьи не объедешь 13
Ирина Германюк 14
Правильная профессия 14
Игра с цифрами и бизнес по-детски 16
Как найти небо? 19
Для тех, кто ещё не стал взрослым 21
Любовь и соль на разных языках 23
Любовь Глембо 25
Хозяин тайги 25
Сергей Гороховир 26
Борцовские байки 26
Тазик 26
Паспорт борца 26
Облом 26
Брат 27
Потеря 27
Бороться до конца 27
Досада 28
Бац-бац! И… 28
Мечта 28
Каждому – своё 29
Иван Гурков 30
Вечер знакомств «Вечеринка» 30
Александр Ефимов 36
Пьяный лес – Дубровка – Свинчус 36
Картошка в мундире 37
Петарда, или Жажда познания 38
Байконур–1982 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Коллектив авторов
Ситуации

© Издательский дом «BookBox», 2024

Федор Абрамов

Дружба с медвежонком
Быль

От автора

На следующий день вечером в доме дяди Серёжи был, можно сказать, аншлаг. Всем детям захотелось услышать ещё одну историю, якобы случившуюся с дядей Серёжей. Собрались практически все жители деревни. Сидели так плотно, что ногу некуда было поставить.

Дядя Серёжа с удивлением взглянул на такое количество впервые собравшихся в его избе людей и страшно удивился. Он явно не рассчитывал на такое количество слушателей своего рассказа. Погладив, как обычно, свою длинную седую бороду, он и начал свой рассказ. Ниже я постарался его воспроизвести максимально близко к тому виду, в каком услышал его сам в детстве.

Рассказ дяди Серёжи

На человека, родившегося и жившего много лет вблизи большого красивого леса, последний всегда накладывает неизгладимый след на всю его жизнь. Такой человек всегда чувствует большую любовь и крепкую связь с ним, где б он ни жил. Его всегда будет тянуть в лес, будь то поход за лесными дарами – ягодами, грибами и прочим – или просто прогулка по нему с целью отдохнуть и подышать свежим лесным воздухом. Я отношу себя к числу именно таких любителей леса.

Я родился и вырос в деревне, расположенной возле такого леса, поэтому любовь к нему у меня привилась, можно сказать, с молоком матери. Его я любил посещать круглый год, поскольку он красив, разнообразен и неповторим во все времена года.

Этот поход в лес у меня состоялся в начале весны, когда уже сошёл снег и в нём пробудилась новая жизнь. На деревьях появились свежие, ярко-зелёные листья, а под ними зазеленела свежая трава. Пряный запах ожившей природы пьянил моё сознание. Хотелось дышать полной грудью.

Приготовив необходимые, на мой взгляд, в лесу принадлежности – ружьё, топорик, нож, бинокль, немного еды, воду и прочие мелочи, я утром и направился в свой лес. Я не собирался в нём охотиться – этим не люблю заниматься с детства, так как считаю, что убивать диких животных без надобности грешно. Цель моего похода заключалась в прогулке по весеннему лесу и наблюдении за жизнью обитателей леса – животных и птиц. У них в это время как раз было много забот и хлопот по продолжению своего рода.

Войдя в лес, я направился по чуть заметной лесной дорожке к хорошо знакомым мне лесным местам. Пройдя метров 50, я вдруг, чуть ли не нос в нос, столкнулся со стоящим на задних лапах медведем. Правильнее сказать, не с медведем, а медвежонком, поскольку по размерам он явно ещё не походил на взрослого медведя. Я мгновенно остановился и не знал, что мне делать. Даже по коже пробежала лёгкая дрожь, поскольку всё это произошло в лесу с диким животным и столь неожиданно. Мы постояли друг перед другом с минуту, и я понял, что надо что-то делать. Решил попробовать задобрить Мишку (так я стал сразу называть медвежонка) вкусным угощением. Я достал из рюкзака свой полдник и бросил его в сторону медве-

жонка. Он всё это время наблюдал за мной, но за лакомством не пошёл. Я понял, что он боится приближаться ко мне. Тогда я стал медленно пятиться назад. Когда удалился от брошенного лакомства метров на 20, он опустился на все лапы и тоже медленно подошёл к лакомству. Тут он стал расправляться с ним без всякого страха. После этого он опять стал на задние лапы и продолжал смотреть на меня, вероятно рассчитывая, что я подброшу ему ещё угощенья. Но у меня, к сожалению, ничего больше не было, поэтому я решил возвратиться домой. И пока я шёл по лесу, Миша следовал за мной, но на некотором расстоянии от меня. Когда я вышел из леса и пошёл по полю к деревне, медвежонок за мной не последовал. Вероятно, побоялся покинуть лес.

На следующий день я решил снова пойти в лес. Но, полагая, что меня опять может встретить медвежонок, я захватил полдник не только для себя, но и для Миши. И действительно, он опять в том же месте поджидал меня. На этот раз я схитрил – бросил приготовленное для Миши угощение в сторону от дорожки. Пока он расправлялся с угощением, я свободно прошёл мимо него и направился вглубь леса. Медвежонок быстро справился с угощением и последовал за мной. Когда я достиг конечного пункта своего похода и занялся своими делами, медвежонок сидел рядом и наблюдал за моими действиями. Были для него интересны мои действия или он просто ждал, когда я закончу свои дела и направлюсь в обратный путь, я не знал. Вероятнее всего, он надеялся получить от меня ещё немного лакомства. Когда я направился в обратный путь, Миша следовал за мной до моего выхода из леса.

Такие встречи длились до середины лета, когда в лесу появились первые ягоды – малина, черника, голубика и прочие. В это время Миша провожал меня до ягодников и, когда я начинал собирать ягоды, с любопытством наблюдал за мной. Заметив, что я иногда ягоды малины отправляю в рот, то есть ем, он этим очень заинтересовался. Вероятно, он решил тоже попробовать их на вкус. Приблизившись к малиннику, он стал срывать спелые ягоды своими челюстями – собирать лапами он их всё-таки не мог. Похоже, они ему понравились, и он стал довольно бодро употреблять их. Так у меня появился непредвиденный конкурент в ягодных делах. Заполнив ягодами двухлитровый бидон, я стал собираться домой. Миша тоже перестал есть ягоды. Мы вместе направились в обратный путь. И в этом случае, когда я вышел из леса, он не покинул его. Так мы с ним ходили за ягодами, пока они появлялись в лесу. Ближе к осени мы с ним стали собирать бруснику и клюкву. Правда, последнюю он ел мало. Вероятно, она была для него слишком кислой.

Но наши походы за дарами леса стали носить иной характер, когда в лесу появились грибы. Я их, разумеется, употреблять в сыром виде не мог, поэтому Миша не мог понять – можно их есть или нет. Если б он жил вместе со своими «родителями» – медведем и медведицей, то последние научили б его различать съедобные и несъедобные дары леса. Тогда я решил обмануть его – взял в рот маленький грибочек, старательно пожевал его и незаметно выплюнул. Медвежонка моя хитрость явно не заинтересовала, и он так и не понял, можно их есть или нет. Тогда я решил осуществить ещё одну хитрость – срезал небольшой белый гриб и бросил его животному под ноги. Вероятно, Миша решил, что это – угощение для него, и поэтому попробовал на вкус. Съев его, медвежонок понял, что грибы вполне съедобны. После этого он ел их с большим удовольствием. Так и в грибных делах появился у меня конкурент. Но грибов было так много, что их хватало нам обоим. Мы посещали лес вдвоём, пока не начались первые заморозки и не выпал первый снег. Миша неожиданно исчез. И я понял, что он нашёл себе где-то берлогу и залёг в ней в спячку. Поэтому зимой мне пришлось посещать лес, к сожалению, без него. Наша следующая встреча состоялась только летом следующего года, и произошла она весьма необычно. Весной, когда стаял снег и на большинстве деревьев стали набухать почки, я направился в лес с надеждой, что встречу своего Мишу. Полагая, что после зимней спячки он сильно исхудал, я приготовил ему много вкусной еды – сварил целый бок бараньих рёбрышек. Но, к сожалению, в знакомом мне месте в лесу я его не встретил. Решил, что он продолжает

спать в своей берлоге. Но и спустя несколько дней я с ним не встретился. Появились тревожные мысли, что с ним опять случилась какая-то беда. Мог случайно, как когда-то со мной, встретиться с охотником, который, не поняв, что этот медвежонок очень добродушный, мог применить против него оружие. Попереживав некоторое время, я наконец успокоился и стал только изредка вспоминать о своём лесном друге. Пришло лето, и в лесу созрела малина. Я, как всегда, захватил двухлитровый бидон и с хорошим настроением направился за нею. Не дойдя до поляны с малиной, я вдруг заметил, что там кто-то шевелится. Решил, что её обнаружил кто-то из местных жителей и захотел тоже поживиться спелыми ягодами. И каково же было моё удивление, когда, приблизившись к ней, я разглядел, что там хозяйничают два медведя. В одном из них я узнал своего Мишу. А вот рядом с ним, вероятно, была молодая медведица, ставшая для него то ли «подругой», то ли «невестой», а возможно, уже «законной женой». Понаблюдав за ними несколько минут, я решил их не беспокоить и удалился восвояси – домой. После этого случая я уже не посещал эту поляну, оставив её в полное распоряжение этих медведей.

Известно, что животные, как и люди, тоже мыслят и обладают памятью, только последняя у них значительно короче человеческой. Думаю, что они не вспоминают всю прожитую жизнь, как это делают люди, но отдельные эпизоды её, вероятно, помнят.

– На этом, дети, конец истории с медвежонком, – сказал дядя Серёжа и добавил: – Приходите завтра. Я расскажу вам ещё одну, очень необычную историю. Речь пойдёт о загробном царстве.

Тамара Антонова

Яшка

Он был маленьким и невзрачным псом, грязно-белого цвета, с коричневыми пятнами. Когда я с моим Рексом (джек-рассел-терьер) встретила его с хозяйкой, подумала, какой он уже старый и жалкий. Но пёс мирно бежал по улице. Никого не замечая вокруг. Даже моего Рекса, который изо всех сил захотел познакомиться с ним.

– Какая у вас спокойная собака, – заметила я хозяйке. – Никакой агрессии, хотя я понимаю, что мой пёс его достаёт.

Но Яшка только смотрел вперёд, изредка останавливаясь, если Рекс загораживал ему путь.

– Он играет только с кошками, – сказала Анна Ивановна, хозяйка пёсика. – Вот с котом нашим они хорошо живут, играют вместе.

– А сколько ему лет? – спросила я женщину.

– Я даже не знаю, – ответила Анна Ивановна.

– Как это? Почему?

– У меня он живёт уже одиннадцать лет, а я его взяла большим.

– Как? Кто-то отдал его взрослым?

– Нет, не отдал.

И Яшкина хозяйка рассказала такую историю.

– Иду я как-то на рынок. Знаете, где сейчас борцовский зал, был когда-то рынок.

– Да, я помню это время, – ответила я.

– Да… Иду я, значит, на рынок и вижу: по дороге машина едет, потом останавливается недалеко от меня, открывается дверь и из неё выбрасывают собаку. Дверь захлопнулась, машина уехала, а пёс сел на обочине. Грустный такой, скулил, когда упал: ударился, наверное. Сидит, ничего не понимает. Я подошла к нему и говорю: «Ну что, пойдёшь со мной?» Пёс посмотрел на меня, серьёзно так посмотрел, но побежал прочь.

Ладно, думаю, не хочешь – как хочешь. А утром я снова пошла на рынок. Там, на площадке перед зданием рынка, торговали молоком из «Былины». Знаете, был такой совхоз или фермерское хозяйство, не знаю, как точно назвать его. Так вот, иду я и вижу: сидит собачка, что вчера выбросили из машины, возле дороги. Народу утром мало, никто не обращает на неё внимания.

Подошла я и говорю: «А теперь пойдёшь со мной?»

– А он что? – нетерпеливо спросила я.

– Что он? Опять посмотрел на меня и пошёл за мной следом. Оголодал, видно, замёрз ночью-то. Я сказала ему, что буду звать его Яшкой. С тех пор и живёт. Старый уже, как и я сама.

У меня тогда другой пёс ещё жил – Стёпка, пудель небольшой. Так тот взял его под свою защиту, играл с ним, и Яшка очень полюбил его. Так вдвоём везде и ходили.

Старушка помолчала, глядя вниз, вероятно, воскрешая картины прошлого. Яшка стоял рядом, давая возможность Рексу обнюхать его по всем собачьим правилам. Сам Яшка тоже напоминал джек-рассел-терьера, только с длинной шерстью, спутанной, неряшливо свалявшейся клочками по бокам.

– Стёпка тогда был уже немолодым, болел часто, – продолжала Анна Ивановна. – Идёт по улице и вдруг упадёт и затрясётся весь. Страх! Я его к ветеринару водила, так Яшка всю дорогу нас сопровождал. Ветеринар назначила уколы, лечение. Но Стёпа был уже довольно стар и умер. Яшка по нему тосковал… Скулил иногда. Собака, а добро помнит.

Рекс приставал к Яшке, вызывая его на игру. Но старичок не поддавался на уговоры и потрусил дальше. Старушка, попрощавшись, пошла следом.

Рассказ старой женщины тронул меня до глубины души. Жаль было этого Яшку, такого безропотного, маленького, но умеющего сильно любить.

Виктор Балена

ГИБДД быть!

На перекрёстке складывалось всё так, что вполне могло закончиться даже трагедией. Впрочем, трагедия, замечу, причислена к высокому жанру, ей обязательно сопутствует какая-нибудь причина, недоброе какое-нибудь предзнаменование, которое всем своим недоброкачественным, злонамеренным действием намекает на то, что ожидается непоправимое и что в этой исключительной неизбежности нет решительно никакой разумной надежды на спасение.

Прёт, к примеру, Ferrari по неровной дороге, и ты понимаешь – понятно всем, – что добром такое не кончится, так как дорога неровная, за рулём пьяный, а Ferrari ворованное. Чёрт такого подери, а Ferrari жалко.

Тут ничего такого не было. Машинки на красный остановились. Старушка на зелёный пошла. Сразу было понятно, что это где-то не у нас. Кто из «наших» будет ждать, пока старая черепаха зебру перепашет. Ясно – никто!

Говорю: никакого раскачивания из стороны в сторону или взмаха крылом ощипанной котами птицы, ничего такого, ибо стоял полнейший штиль. Никакой тревоги, тем более, если выразиться протокольно, «угрозы для жизни» бабки предусмотрено не было. Никакого другого дурного предзнаменования не намечалось. Пусть хотя бы целый день переползала – никто из «ихних» с места бы не стронулся. У нас, случись такое, обматерили бы и объехали.

Примета на дороге (бабка на зебре) – явление негласное, как дорожный знак, предупреждающий об опасности. Такая примета приравнивается к чёрному перебегающему коту. Примета ничего хорошего не сулит, но бейсбольной биты не заслуживает. Не было пока ещё, чтобы за котами, перебегающими дорогу, с битами гоняться. Всё ж гуманизм какой-то пока что соблюдается.

Вдруг из машинки, из чувства нетерпения или сдуру, один выскакивает и к старухе пешей наперерез. Думаю: «Это наш. У наших крайность – или бита, или галантность». Взялся он бабке помогать не из одной толерантности, думаю, а чтоб перед «ихними» понты навести. Знай, мол, «наших»! Наши без понтов не могут. Такова реальность.

Не успел он бабке свою галантность обнаружить, как машинка стронулась и пошла за ним следом. Машинка устроена так, что, если её ручным тормозом не закрепить, пойдёт за милую душу.

Бабка попыталась напоследок подать упреждающий сигнал набегающего конца. Гримасу ужаса, в складках сморщенного яблока, «Наш» принял за знак благодарности; отчаянный взмах сухой клешнёй исчезающего вида, подающий напоследок сигнал бедствия, «Наш» заценил как извинение за доставленное неудобство и собрался было применить галантность, как почувствовал прикосновение тела напиравшей сзади машинки. Сменив галантность на ужас, передавшийся от бабки, «Наш», упёршись руками в капот машинки, попытался изменить неизбежное.

Машинка, игнорируя законы механики, на противодействие мудака-водителя ответила откатом. Короче, с учётом вышеизложенных погрешностей физики, вопреки логике транспортного средства и необъяснимым действиям упомянутого владельца транспорта, машинка остановилась.

К тому времени расстояние между «Нашим» и бабкой сократилось до критического. «Наш» коснулся своим задом передней панели исчезающего вида, отчего тело дало крен и стало падать, подобно тому, как падает, сорвавшись с петель, дорожная плита во время укладки.

За спиной бабки был рюкзак, он-то и смягчил удар при падении.

Уникальное «LEGO» уцелело и сохранило контуры своей первичной сборки.

Никто не пострадал. Закончилось всё миром.

Снято всё было, как теперь модно, регистратором, где-то в другой стране.

А теперь порассуждаем на тему:

а) на фига нам ГИБДД, если и так всё устраивается, притом что количество водителей – чудаков на букву «М» (и это ещё мягко сказано) – прибыло и умножилось за восемьдесят лет со скоростью изложения на бумаге этого происшествия;

б) или, с учётом сказанного, нам ГИБДД (за давностью) оставить потому, что судьба не разбирает, кто есть кто на дороге, и уникального «LEGO» на всех не напасёшь;

в) если верно как То, так и Другое, то исходя из сложившихся противоречий вышеизложенного исключить из обращения (запретить) видеорегистраторы из соображений надёжности ГИБДД, как органа регистрации как такового.

Слово в слово из докладной записки сотрудника. Внизу подпись и дата, как положено. Кроме того, к докладной прилагалось заявление с просьбой уволить из органов по собственному желанию.

Заявление было рассмотрено специальной комиссией и отклонено.

Сотрудника отправили в отпуск. В доме отдыха санаторного типа сотрудник покончил собой.

«В разгар отдыха-лечения сотрудник застрелился из наградного табельного оружия, не предназначенного для такого рода цели» (из отчёта на месте происшествия).

При осмотре тела была обнаружена записка, вернее, клочок бумаги, похожий на записку, где можно было разобрать всего несколько строк: «…не понимаю, зачем устроено так и почему так…»

Наталья Баскакова

Судьбу не обойдёшьи не объедешь
Притча

В одной деревне чудо чудное было.

Странничек нетутошный ходил от окна к окошку: милостыньку собирал да просился ночевать. Подошёл к одному окошку – бряк-бряк об оконную раму-то.

Бабушка выглянула:

– Кого надо?

– Пусти-ка ночевать.

– Да пустить-то я тебя пущу, да только я почти каждую ночь бабиться хожу. Начнёт какая-нибудь бабёнка родить, за мной бегут.

– Ну дак чё, иди, я ведь тебя не обкраду.

Ну ладно, чаю напились да легли спать. Только начали засыпать, вдруг в окошко – бряк-бряк. Старуха-то подскочила.

– Кто там?

С улицы-то кричат:

– Баушка, тётенька мучается, родить хочет!

– Ну вот, видишь, дедушка, идти мне надо.

Старуха скорей-скорей начала собираться.

А странничек-то ей наказывает:

– Ну иди, да только сразу-то в ограду не ходи, сначала – в окошко погляди, а чё увидишь, дак не пугайся, а перекрестись да в избу заходи.

Бабушка-то бегом-бегом к тому дому, где баба мучается да хотела уже сразу в ворота бежать, но потом вспомнила, что дедушка-то наказывал. Скорей к окошку подбежала и увидела… Господи Батюшко, страсть-то какая: на матице на крюку девка задушена висит. Бабушка-то так и обродела, но потом вспомнила, что дедушка наказывал не бояться.

Она перекрестилась: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий» – да в избу забежала. Никакой девки на потолке не висит, а на койке баба мучается. Ну приняла она роды да домой скорее.

Дедушка-то её и спрашивает:

– Ну чё, бабушка, выполнила, ты мой наказ?

– Ой, выполнила.

– Ну а чё видала-то.

– Дак девка задушена на крюку болталась.

– А сколько девке лет?

– Да лет восемнадцать.

– А кого баба-то принесла?

– Дак девочку.

– Дак вот запомни, девочке-то как восемнадцать лет исполнится, она на этом брусу и задушится. Смёртонька-то ведь – она вперёд человека рождается.

Ирина Германюк

Правильная профессия

– А знаешь, мама, – однажды возмутилась шестилетняя Даша, – мне вообще не нравится твоя работа. Я не понимаю, зачем она. Люди на работе должны делать что-то полезное. А ты весь день только сидишь за компьютером и пишешь, пишешь…

– А какая работа полезная?

– Ну делать хлеб, лечить людей, строить дома…

После некоторого замешательства я попыталась прояснить картину. Мол, все профессии важны, все профессии нужны. Объясняла, зачем сижу за компьютером я. Но железную детскую логику мои неочевидные на первый взгляд аргументы ничуть не пошатнули.

– Ладно, скажу совсем просто, вот ты любишь смотреть в театре сказки и спектакли?

– Да, – ответила упрямица.

– Так вот, я помогаю актёрам, например, когда им нужно… э-э-э, допустим, распечатать роль, ну я как бы их помощник. Понимаешь? Ведь как это: актёры и без роли.

– Мама! Ты что?! Какая роль! У этих актёров что, своего ума нет?! – обрубила Даша.

– Не поняла?..

– Ну что тут непонятного! – не на шутку разгорячившись и бурно жестикулируя, вспылил ребёнок. – Ну, например, дали тебе костюм Лягушки и…

– И что?

– Что-что. Выходи на сцену и – квакай!

– Хм, а если, положим, дали костюм Царя? – поинтересовалась я.

– Ну тогда нужно выходить на сцену и командовать! Всё про-сто! А вообще, мама, лучшая работа у нашей бабушки, – сказала Даша, как обрубила.

– Почему это?

– А потому, что у неё начальника нет, она не боится, что её уволят. Ей всё равно, если утром она опаздывает. Да она может хоть вообще остаться дома, если устала, не выспалась и не хочет никуда идти! – (Бабушка наша многие годы посвятила торговле. Профессия, надо сказать, не из лёгких. Но мало кто учитывает детали.) – Вот если бы ты бросила свою работу, можно попросить бабушку, чтобы она и тебя научила продавать одежду. Это очень полезно, мама. Ты пойми! Важно, чтобы никто не мёрз или был нарядный, когда у него праздник, а не чтобы сидеть весь день и печатать без дела.

– А у тебя будет полезная профессия?

– Я, мама, буду стоматологом! У тебя вон зубы болят? Болят! Да я смогу хоть вообще тебе сделать лучшие в мире зубы – внизу золотые, сверху – серебряные. Хочешь?!

Я сконфузилась, но, конечно же, покивала одобрительно.

– Я буду лечить детей и зверей. Научу их меня не бояться, и лечение будет проходить легко и быстро.

– Как же это получится?

– У меня есть способ: чтобы не было страшно, надо закрыть глаза.

– Хм. Давай ты закроешь глаза, когда в следующий раз пойдём к врачу?

– Ну не-е-е-е-ет, мне не поможет!

– Почему?

– Потому что врач не я и больница не моя!

– Какая же у тебя будет больница?

– Лучшая. На первом этаже будет кабинет, чтобы зубы лечить. На втором я развешу мои картины, и там будет выставка. Я буду рисовать здоровые и больные зубы, разные – чтобы видеть разницу. И, например, улыбки и собак, чтобы люди после лечения могли смотреть на картины и радоваться и даже купить домой. А на третьем этаже будут продаваться сладости.

– Вот ещё! Стоматологи не советуют детям сладости!

– Стоп-стоп-стоп! У меня другие сладости – полезные! Из фруктов, из ягод и мёда. Их можно всем детям.

Этаж за этажом достраивая мысленно Дашину историю, я уже почти было согласилась на золотые и серебряные зубы.

– Мама! Мама?! Ты меня вообще слушаешь?

– А… я – да!

– Но будет, говорю, у моей стоматологии и ещё один этаж!

– Ещё… Какой?

– На самом верху я построю цирк и церковь.

– Цирк и церковь? В стоматологии… Но зачем?!

– На тот случай, если кому-то лечение не помогло…

– И?..

– И тогда можно будет хотя бы отвлечься.

Что ни говори, а профессионализм – дело тонкое. И если в детстве не проанализировал, не продумал до мелочей и не выстроил масштабный план на будущее, так и просидишь всю жизнь за компьютером, не принося ни малейшей пользы обществу. Ещё и с зубами небось самыми рядовыми и неприметными.

Игра с цифрами и бизнес по-детски

Даша училась считать. Делала это довольно старательно. И вовсе не потому, что я издевалась над полуторагодовалым ребёнком, вбивая в ещё незрелый ум ненужные цифры. А просто процесс счёта вызывал у неё какой-то лёгкий восторг и придавал её личику недетскую умность. Она считала предметы и животных на картинках в книжках, вилки и ложки на столе, пчёлок на поляне, звёзды в небе… Конечно, выговорить эти цифры ей было не по силам, но зато она удачно присваивала им свои звуковые обозначения. На начальной стадии это было просто вот так – «тя-тя-тя-тя…», что означало – «раз-два-три-четыре…». Потом она остановилась на счёте шагов при ходьбе по ступенькам: «да-ти», то есть – «два-три». Потом перешла на более серьёзные цифры, и в её словаре появились «пьять» и совсем взрослая «семь». И вот тут Даша поняла, что всё, хватит! Хватит играть в детские игры – пора считать денежки.

Приметив, что конфеты в магазине дают только в обмен на них, во время прогулки на улице она начала самостоятельно сворачивать в сторону магазина, при входе в который останавливала меня и запускала руку в карман моих шорт, где по обычаю звенели монетки. Обчистив карманы, она, торжествуя, заходила в магазин к уже хорошо знакомой ей «тоте» и протягивала копейки. Даша утвердительно кивала головой и чётко показывала на витрине, которая из конфет ей нужна сегодня. Продавец брала «дени» и продавала ребёнку конфетку.

Остудить детский пыл я решила домашними играми, и мы начали играть в магазин дома. Ассортимент товара из детских одёжек на тремпелях, который я покупала у неё за настоящие монетки, вполне устроил ребёнка, изображающего продавца. Вскоре меня стало маловато, и к числу покупателей мы причислили команду вязаных героев из мультфильма. Выглядеть это стало примерно так. Я беру зайку и «прихожу им» в магазин, спрашиваю: «Здравствуйте, я зайка. Я могу у вас что-нибудь купить. Например, футболку. Может, есть белая?»

– Неа, – отвечала Даша, потому как белой и вправду не было, и предлагала «оию».

Розовая вполне подходила, и тогда довольный зайка уточнял, сколько должен за неё денег.

– Пьять-семь, – снова отвечала Даша зайке, после чего брала у него из лапки монетку и говорила: – Пака-пака.

Зайка тоже любезно кланялся, а к маленькому продавцу уже спешил новый покупатель.

И вот в нашей игре в «миинин» – магазин – произошёл сбой… Даша перестала требовать с покупателей деньги!

Я несколько раз повторяла вопрос об оплате, но она отрицательно качала головой, а потом вдруг подставила мне щёчку, в которую, недолго думая, я поцеловала ребёнка зайкой.

Белый свитерок обошёлся пандочке в два поцелуя. Фиолетовое платье барашком было куплено за один. На том и сошлись. Магазин стал работать за поцелуи, которые теперь вполне устраивали продавца.

Поскольку в последние дни погода заметно ухудшилась, игра в магазин стала нашей частой забавой.

Когда стало тепло, мы вышли в люди. Прогулялись в округе, погоняли голубей, покривлялись лужам и… меня случайно занесло в магазин с надписью: «Скидки». Со скидками или без них, этот магазин мне был совсем не по карману, но был привлекателен для ребёнка количеством тремпелей. Я побродила между рядов, полистала одёжки, приложила к себе пару

вещей, обсудила с моим юным бизнесменом фасоны, и мы отправились домой. Но тема скидок почему-то меня не покидала.

«Скидки… скидки…» – жужжало в голове.

Мысленно я всматривалась в лица продавцов и думала о том, как же безудержно мне хочется целоваться! И как должно быть стыдно продавцам за то, что никто из них мне этого не предложил!

P. S. Вечером мы снова играли в магазин с Дашей. Поцелуи по-прежнему были в цене.

Как найти небо?

Хмурая погода не веселит…

– Мама, а где небо?

– Как где небо, вот же оно, ты на него смотришь.

Даша шагала не спеша. В её медлительности просматривалась скука и нежелание продолжать прогулку. Но вот она остановилась и снова спросила:

– Мама, где небо?

– Ну, вверху же, над головой. Куда ты смотришь?

– Ввех смотю, – ответила Даша.

– Вот вверху – это небо!

– Нет. И не небо… Это фто-то чёное.

– А разве небо выглядит иначе. Какое оно?

– Небо губое. Идём икать!

И, набравшись решимости, мы пошли искать голубое небо. Однако ни в соседнем дворе, ни возле магазина ничего не менялось.

– Попаво, – заключила Даша.

Пропавшего неба было жаль, но развеять грусть нам помогла незапланированная встреча. Совсем низко на дереве сидел дятел. Он тараторил так настойчиво и увлечённо, что наше присутствие и болтовня его нисколько не смутили.

Даша видела такую птичку впервые, и поиски голубого неба на какое-то время пришлось отложить.

– Тятив… тучит… вут так – тук-тук… тучит а дереву… тук-тук… – Даша тараторила не меньше дятла.

Птичка, которая так резво бьётся головой о твёрдую поверхность, явно вызывала в ребёнке недоумение и, вместе с тем, самый что ни на есть живой интерес.

– Даша! Нельзя бодаться! Нельзя бить лбом стену! Даша, перестань стучать книжкой по голове…

Дома ребёнок активно осмысливал увиденное и смаковал эмоции:

– Я дятив! Мама, я дятив, смоти.

– Даша, нельзя стучать головой!

– Всино, всино фтучу. – И, наклоняясь головой к полу, демонстрировала сказанное и продолжала стучать всё равно.

«Небезопасная птица, однако», – думала я, пресекая детское озорство.

Потом мы рисовали птиц, смотрели мультфильмы про птиц, искали в книгах стишки о птицах и снова рисовали… угадайте кого.

«Дятив» стал событием дня.

Уже перед сном запал наконец-то стих. Завершая последний вечерний ритуал, мы ещё какое-то время изучали с ребёнком фотографии в комнате на стене. Два больших плаката с фото о ярких моментах из жизни Даши до двух лет прочно вписались в интерьер.

Вот мы рассматриваем: «Дася пигает а лузе» (прыгает по луже), вот она «миеться» (смеётся), вот Даша «гутит» (грустит), «нюхаит цитоцик», «ест касету» (конфету). А вот она – «Дася Гиминюк» – на фото в футболке со своей фамилией. А вот… и тут вдруг ребёнок вспоминает про потерянное днём небо, которое теперь так привлекательно выглядит на летних снимках.

– Небо… видю… губое… Нафла! Вот тут небо, Дася, мама… Мама сивая[1]!

[1] Красивая.

На летнем фото – вспышка эмоций. Глубокий светлый горизонт, сочное солнце и мы: я с какой-то совсем ребяческой и безмерно искренней улыбкой, сияющими глазами и переполохом на голове и она – хмурая, хитрая и довольная, – мелкая ещё совсем, у меня на руках.

– Да, Дашенька, мама – счастливая, – пробормотала я, уже почти засыпая.

В моих снах ещё долго и озорно тарахтели дятлы. А голубое небо с его невероятной притягательностью в эту ночь осталось у нас в комнате и тихонечко посапывало рядом…

Для тех, кто ещё не стал взрослым

Даша рассуждает о возрасте: «Я макая. Я буду басяя. Ты будишь васти и тоже станишь макая».

Я ловлю её слова и думаю, как это должно быть хорошо: расти-расти и потом снова стать маленьким. Я не очень люблю взрослых. Сама не умею быть взрослой. Но по мере взросления ребёнка – приходится.

Иногда ко мне приезжает мама. Хотя с появлением Даши все родственники приезжают скорее к ней, чем ко мне. Но мама – это другое.

Мама всегда привозит сумку с подарками – вкусности, полезности, бытовые мелочи, приятные сувениры. Даша знает, что для неё в этой сумке непременно припрятана конфета, или игрушка, или «фто-то ище».

Когда я была маленькой, у меня была огромная коробка с игрушками. Она хранилась в шкафу, и упомнить, что именно хранится в коробке, я не могла. Одни игрушки предназначались для игр повседневных, другие – отправлялись в коробку. Время от времени я открывала шкаф и запускала руку на самое дно, хватала первое, что попадалось, и… на мгновение замирала, предвкушая удивиться какому-то из воспоминаний, связанных с давно забытой безделушкой. Всегда радовалась.

Когда приезжает в гости мама, её сумка напоминает мне эту детскую коробку. Никогда не знаешь, что появится в маминых руках в следующий момент – сдобная выпечка, новая футболка, браслетик, кружка, домашние конфеты, новый чай с особым ароматом, что-то из кухонной утвари… Что бы это ни было, это всякий раз одинаково радует, вызывая в душе какие-то совершенно детские эмоции и уже взрослое смущение, – когда хочется ответить тем же, но ты не знаешь как.

В этот раз мама подарила мне платье.

Я никогда не любила такие фасоны. Примерила – красота! Мне нравится. Понимаю, что взрослею. А сама всё равно как ребёнок радуюсь. Всё в маминой сумке – это маленькие истории маминой большой любви. Это моя ностальгия по детству, по моему шкафу с коробкой, по моей комнате с кроватью у окна, по моим детским платьям… По тем рассветам, когда вместе с мамой я вставала засветло, чтобы пойти в сад за малиной, по тем маминым туфлям, которые были, казалось, на сто размеров больше меня, но были на каблуках, а значит, очень подходили мне, 6-летней девочке, и я надевала их и щеголяла по улице… Это ностальгия по субботам и воскресеньям, когда мама пекла вкусные слоёные рулеты и лепила целую гору пельменей… По аромату её духов, который всегда оставался на её лёгком шарфике… По тем ощущениям, которые можно почувствовать только в детстве.

Даша, конечно, не знает о том, что я чувствую. Ей, как всякому маленькому человеку, просто нравится получать подарки. Я – не понимаю ещё, что чувствует моя мама. Все сумки в моём гардеробе и хозяйстве предназначены пока только мне, кроме одной, той, с которой мы с ребёнком ходим на прогулки. Иногда Даша в неё заглядывает в надежде отыскать конфетку. Иногда находит. Но это совсем иначе, чем ждать маму в гости. Ведь на самом деле ты ждёшь не подарков – каждый раз ты встречаешь на пороге своё детство, обёрнутое в красивую упаковку праздника. И никто не может его создать для тебя так, как делает это она.

Но ты растёшь, взрослеешь, потом даже начинаешь стареть… приезжаешь к маме сам. По возможности тоже привозишь гостинцы. И чем больше ты вкладываешь в эти незамысловатые вещи, угощения, сувениры, тем выразительнее даёшь понять, что ты уже не ребёнок. А значит, каждый раз, навещая родителей, привозишь с собой им немного взрослости. А они вздыхают: «Ах, как же быстро летит время!» Как многое хочется ещё успеть…

У нас под столом стоит большая плетёная корзина. Мы держим в ней Дашины игрушки, которые она не востребовала, но иногда что-то оттуда достаём. Игрушек становится всё больше, а значит, однажды она почувствует ту радость новизны о когда-то любимых вещах, которая хорошо мне знакома.

Однажды я вырасту и стану взрослой и буду приезжать в гости к Даше с подарками. Я хочу, чтобы она вспоминала свою корзину или любую другую коробку из нашего с ней детского времени, радовалась любому пустяку или не пустяку, который я привезу, и чтобы она всегда понимала, что без меня эти подарки ничего не стоят и никогда не порадуют. Потому что на самом деле, конечно, ждать она будет не их, а меня. И даже не меня, а себя «макую» и своё детство, которое не закончится до тех пор, пока есть мама.

Любовь и соль на разных языках

Как понять детей? Что они думают, чего хотят… Я провожу со своим ребёнком 24 часа в сутки и не всегда понимаю, что она говорит. Как же я пойму её, когда она вырастет?

Я люблю свою дочь больше всех в мире и сильнее всех на Земле. Говорю ей об этом, она отвечает. Тоже говорит, что любит, что никому меня не отдаст, что я у неё самая «любимная». И вот затесалось в её признании непонятное слово. Очевидно, совершено непонятное и ей самой.

Вот говорит она:

– Мама, я тибя либлю, змийя.

Или так:

– Мама, змийя, я тибя никаму ни атдам.

Подозрительная «змея» поселилась в моих мыслях и лишила покоя. Откуда это и кто или что это? Впрочем, подумаешь, слово… такие ли бывают недоразумения с детьми…

Когда мой племянник Аким был мал, не все слова давались ему легко. Во время одного из семейных праздников он подошёл к взрослым и попросил «киду». Следующие двадцать минут родня во главе с мамой суетно перемещалась из комнаты в комнату в поисках «чего-то». А ребёнок горько плакал, потому что не мог выговорить слово разборчиво, отчего чувствовал себя подавленным.

– Ну киду, киду… я не могу по-другому сказать… – размахивая ручонками, повторял малыш и снова плакал.

Когда в холодильнике бабушка, наконец, обнаружила киндер-сюрприз, ребёнок засиял.

Мне было неловко. Возможно, потому я вспоминаю этот случай уже несколько лет. Но детское отчаяние показалось мне совсем не детским. Потому что когда мальчик вырастет и научится хорошо выговаривать все слова, станет понятным каждому, ему придётся учиться новым правилам: поменьше говорить окружающим о своих желаниях и чувствах. Почему? Потому что когда он повзрослеет, должен будет понять: отныне «киндер-сюрприз» – это только его проблема.

Но пока ребёнок мал – как понять его и подготовить к взрослости? Как понять и реагировать на его слова и просьбы не изумлённым мычанием, делая лишь вид, что всё понял, а помогать ребёнку разбираться в ситуациях вместе?

Даша решила познакомиться с маленькой девочкой.

– Меня зовут Даша, – сказала она, – а тебя?

– Федя, – ответила миниатюрная кокетка в панаме и в платьице из рюшей.

Я переспросила. Девочка снова ответила: «Федя».

Мама заторопилась образумить дочь:

– Нет, ты скажи, скажи, как тебя на самом деле зовут, скажи своё имя девочке…

Через некоторое время мы выяснили, что девочку зовут София.

– Почему тогда Федя?!

– Она просто очень любит папу, – глубоко вздохнув, пояснила мама. И стало понятно, что мама понимает, почему девочка называет себя Федей. Но не понимает, чем её, мамино имя, не пришлось ребёнку по нраву.

Дети хорошо умеют хитрить и – не умеют лукавить. Зато свои чувства и переживания облачают, порой, в самые неожиданные формы.

– Мама, я плачу, – сказал Аким, взяв маму за руку. Сказал и ушёл.

– Что значит «плачу»? – не поняла я.

– Он сказал, что плачет, – ответила его мама.

– Но… он же не плачет?..

– Он смотрит грустный мультфильм и переживает.

– Почему бы тогда ему просто не заплакать?

– Это не тот случай, чтобы просто заплакать, – пояснила мама.

Как отличает ребёнок эти самые случаи? И почему, если он пытается скрыть слёзы, всё же об этом говорит?

У нас, взрослых, всё с точностью наоборот. Мы плачем украдкой, проливая слёзы, и никогда не сознаемся окружающим в своей слабости. А когда наступает какой-нибудь «тот самый случай» и нас застают врасплох со слезами, мы судорожно вынимаем десяток соринок из обоих глаз.

Как понять взрослых?

Говорят, что ты остаёшься ребёнком до тех пор, пока живы твои родители. Очевидно, потому я усердно не хочу взрослеть. Но я всё реже и реже приезжаю домой, потому что дома я кажусь себе беспомощным ребёнком и как будто ловлю себя на своих же слабостях… расслабляюсь, раскисаю, потом не могу собрать себя в кулак. Научилась любить на расстоянии. Родители обижаются. Я приезжаю. Говорят, во мне мало самостоятельности и я живу не совсем правильно.

Как понять родителей?

Я слушаю их, слушаю, а потом взрываюсь и говорю, что разберусь сама, потому что я уже – взрослая!

Вру.

Как понять меня?

Моя мама живёт со своей мамой. Бабушка плохо себя чувствует, почти не выходит из квартиры, но никогда не довольствуется малым. Привыкла держать всё под своим контролем. Человек другой закалки. Мы проще: да – да, нет – нет. А бабушка компромиссов не любит. Мама расстраивается: бабушке сложно угодить. Мама старается – угадывает её настроение, заботится, всегда рядом. Бабушка находит повод для слёз.

Как понять бабушку?

Иногда мой ребёнок меня жалеет. Случается всплакнуть при ней. На днях было.

– Мама, ты ни пвач. Я люблю тебя больше всех… на Зем-ле, – наконец выговорила мне Даша своё заколдованное «змеиное» слово.

– Даша! Ну наконец! Наконец!!! И я, я тоже люблю тебя больше всех на Земле!

«Змея» оказалась не страшной. Но это не важно. Не надо ничего понимать. Любить надо. Вот в чём соль.

Любовь Глембо

Хозяин тайги

Мой дедушка, Мясников Захар Афанасьевич, был заядлым охотником. В свои 82 года он легко попадал белке в глаз, чтобы не попортить её шкурку. Знал повадки всех зверей, места их обитания и по праву пользовался уважением своих односельчан. Охотились они обычно в урочище Алханай, богатом чистыми родниками, кедрачом, целебными травами и пушным зверьём.

Однажды ранним утром пошёл дед с двумя своими товарищами-односельчанами на охоту. Дождя не было, хотя стояла весьма пасмурная погода. Товарищи обошли все потаённые места, но ни зверя, ни даже вездесущей белки не встретили.

День уже клонился к вечеру. Делать нечего, решили идти домой. Подустали порядком, сделав по лесным тропинкам большой круг. Вообще-то такого прежде никогда не бывало: чтобы за день в богатой забайкальской тайге не повстречалось ни одного зверя. Шли по лесной чаще. Стояла какая-то необыкновенная, даже чуть жутковатая тишина – ни ветерка, ни щебетанья птиц. Как будто всё вымерло. И природа притихла, замерла. Наступали сумерки. Вдруг посреди этой тишины из лесного полумрака прямо на охотников вышел гуран – самец косули. Необычно крупный для своего вида гуран спокойно двигался… прямо на охотников. Вот так добыча, сама пришла!

Прогремели сразу три выстрела, и гуран упал в высокую густую траву. Тушу нужно было разделать – снять шкуру, отделить требуху, освежевать, потом поровну разделить меж собой. И обязательный ритуал: с хлебом и солью съесть ещё тёплую печень. Это один из способов у настоящих охотников укрепить своё и без того хорошее зрение, тренированное от бесконечного прицеливания по мелкому зверю. Красавец-гуран лежал на боку. Шкуру аккуратно разрезали по центру. Брюшина мягко вывалилась на траву, окрасив её кровью. Глаза гурана, не мигая, смотрели вдаль, и от этого было не по себе. Видно, в нём ещё теплилась жизнь.

– Захар Афанасьевич, давай-ка я его в лоб жахну ещё разочек, – проговорил один из охотников. – Чего он зенки вытаращил? Даже не по себе.

С этими словами охотник взял ружьё, намереваясь добить животное, и вдруг… гуран, повернув голову, начал медленно подниматься на полусогнутые ноги. Вот он встал, выпрямился и… прыгнул в сторону леса. И сразу зашумел ветер, застонала тайга. Бывалые охотники кинулись бежать, побросав ружья. Опомнились только в деревне. Молча разошлись по домам и молча улеглись спать, не в силах что-то рассказать близким…

Утром собрались у Захара Афанасьевича и решили все вместе идти на то злополучное место. Ведь ружьё для охотника – самая необходимая вещь. Ружьё кормит семью, и вряд ли что найдётся его дороже. Оно долгие годы сопровождает своего хозяина, и лишиться его – всё равно что потерять кормильца и верного товарища. Шли молча, кучкой. С опаской подкрались к злополучной поляне. На месте, где лежал гуран, была примятая трава. Но на ней следов крови не осталось. Лежали ружья, ножи, котомки, хлеб с нетронутой солью. Молча собрали снаряжение, пошли в обратный путь.

– Захар Афанасьевич, что же это было? – прервал молчание один из охотников.

Дед остановился, неторопливо достал кисет, свернул цигарку из своей знаменитой доморощенной махорки и, закурив, просто произнёс:

– Это был Хозяин тайги! Он в таком гураньем виде вчера обходил своё хозяйство. И слава богу, что для нас всё кончилось благополучно!

Сергей Гороховир

Борцовские байки

Остаться в чьей-то памяти…

Тазик

Звезда молдавской классической борьбы цыган Прокопий Гроссу на одном из чемпионатов Советского Союза тяжело гонял вес. Последние пятьсот граммов никак не хотели уходить.

На помощь пришли парная и два тренера, которые по очереди колотили вениками лежащего на верхней полке Гроссу. Для облегчения мук поставили перед ним тазик холодной воды. Спортсмен периодически окунал в него голову, дабы не потерять сознание.

После четвёртого захода вытерли Прокопия насухо, и он поднялся на весы. Тренеры с надеждой заколдовали над гирьками, но те нагло показали целый килограмм лишку! Бедняги недоумённо переглянулись и сурово уставились на Гроссу, который заикаясь пролепетал:

– З-зачем тазик п-поставили?

(Рассказал Виктор Ворошнин)

Паспорт борца

Борцу вольного стиля Александру Фролову с детства снилась Италия. Попасть за рубеж помогли ему не медали чемпионатов Украины и СССР, а развал Советского Союза. Открылась граница, и Саша двинул в город своей мечты – Рим.

Всё бы ничего, но преградой на пути встал языковой барьер. Выручили уши: борцы всего мира узнают друг друга по поломанным ушам. А у Сани они – настоящие «вареники»!

На улице или в метро подходили к нему с улыбкой незнакомые парни и как могли заводили разговор о борьбе. А когда узнавали, что Саша из совка, бескорыстно угощали его, помогали найти кров и работу. Авторитет советской борьбы велик!

Особенно почитаемы поломанные уши в Турции. На базаре в Стамбуле нашему брату нет прохода: обязательно остановят, расскажут по-русски борцовские новости, накормят, предложат побороться…

Говорят, что турецкие мальчишки специально ломают уши, прищемляя их дверьми!

(Рассказали Александр Фролов, Леонид Ракомин, Виктор Ворошнин)

Облом

Призёр чемпионата России по сумо в весовой категории до 80 кг симпатичная Татьяна из Смоленска очень хотела выйти замуж и невольно прислушивалась к разговорам молодых людей.

– Смотрите, какая клёвая девчонка! Вот бы познакомиться… – слышит она как-то за спиной разговор парней в московском метро.

– Что ты? Это опасно, не видишь, что ли? Она ведь – спортсменка…

– Тем лучше… Ноги-то какие стройные!

Таня потихонечку замедляет шаг…
– Стройные? Я бы сказал – мощные, все в мышцах!.. А руки – ещё рельефнее!
– Зато фигура – заглядение!
Сердечко у девочки затрепетало…
– Посмотри лучше на её спину – Геракл! Она наверняка – борец…
– Нет, ребята, я всё же попробую с ней заговорить. Чего нам бояться, нас же трое!
Танюша с улыбкой оборачивается…
– Балбес, бежим! Она и с тремя легко расправиться может!..

(Рассказала Татьяна)

Брат

На вокзале в Симферополе профессионально орудовали воры-карманники. При посадке в электричку они обчистили севастопольского борца Берегового Сергея. Благо он был не один, в сутолоке его товарищи заметили и прихватили воришку.

Но тот оказался пуст, так как ловко передал кошелёк скрывшимся сообщникам. Завязался спор, и запахло дракой. С обеих сторон стягивались силы: коварная шайка и борцы после соревнований.

Воров было больше. Внезапно из-за их спин юркнул пацан, подбежал к Береговому и… вернул кошелёк.

– Мой брат – тоже борец, – шепнул он Сергею, получая от своих оплеухи…

(Рассказал Иван Цепин)

Потеря

Михаил Ложечка сладко спал в конце вагона, когда его команда борцов Луганской области высыпала на ночной перрон. Тренеры пересчитали спортсменов. Одного не хватало…

– Кого ж это мы потеряли?! – заволновались они и быстро смекнули: – Ложечку!

Тут же метнулись обратно. Короткая стоянка поезда вынудила их со словами «Потеряли Ложечку! Где же Ложечка?» перещупать весь тёмный вагон…

– Ну и жлобы!!! – полетели в них градом возмущения пассажиров. – Это же надо! Из-за какой-то ложечки перебудили всех!

(Рассказал Сергей Шудегов)

Бороться до конца

Чемпион Советского Союза, бронзовый призёр чемпионата мира по классической борьбе в легчайшем весе Иван Иванович Михайлишин зачастил к специалисту по надгробиям чемпиону Украины Леониду Ракомину.

Они встречались у Лёни в мастерской-гараже в центре Львова, ходили «на каву», вспоминали молодость.

Однажды Иван Иванович сделал Ракомину неожиданный заказ: надгробный памятник самому себе. Уплатил вперёд и сказал, что едет на родину навестить сестёр. А изумлённого Лёню попросил подыскать для него на кладбище хорошее место.

По приезду Иван Михайлишин собрал у себя друзей и близких. После весёлого застолья проводил гостей, вернулся в дом, лёг и умер.

Свой диагноз (рак лёгких) он хранил в тайне. Признаться пришлось одному Ракомину. Врачи предсказывали Ивану Ивановичу полтора года, а он прожил ещё восемнадцать с половиной лет.

(Рассказал Леонид Ракомин)

Досада

Основоположник сумо на Украине Сергей Викторович Коробко, выступая в молодости на чемпионате МВД СССР по самбо, начал один поединок задолго до самой схватки.

Во время разминки он подошёл к сопернику и, глядя в глаза, нагло предложил ему проиграть за 100 рублей. Тот побежал советоваться к тренеру, который отрицательно закачал головой.

Коробко тут же спрятался, наблюдая, как исполнительный спортсмен ищет его, чтобы дать ответ.

Через 15 минут он незаметно подошёл к сопернику сзади и на ухо ему сказал: «Сто пятьдесят». Самбист опять метнулся к тренеру, но нарвался на раздражение и окрик. Коробко и в этот раз исчез.

Перед самым выходом на ковёр он предложил 200 рублей, но растерянный спортсмен только молча покосился на грозного тренера…

Непродолжительная схватка завершилась амплитудным броском Коробко с переходом на болевой приём и хриплым стоном соперника: «Во дурак! Лучше бы деньги взял…»

(Рассказал Сергей Коробко)

Бац-бац! И…

Ленинградский тренер по классической борьбе Моторин Дмитрий Михайлович, потерявший в долгих сталинских лагерях своё зрение, как-то на соревнованиях в запарке подбегает во время минутного перерыва между периодами схватки к своему подопечному Горохову.

– Толя, давай, борись… – машет он ему полотенцем.

– Я не Толя, – отвечает незнакомый голос. – Толя в другом углу ковра…

(Рассказал Юрий Тимин)

Мечта

Заветный норматив мастера спорта по классической борьбе Юрий Огоновский выполнил на престижном московском Всесоюзном турнире памяти Егорова в весовой категории до 57 кг благодаря своей уникальной «коронке».

Вызывая соперников проводить ему вертушку, Юра чётко припечатывал их головы в ковёр. В финале столичный претендент после второго раза на ноги уже не встал. Судьи вынуждены были поднять Огоновскому руку.

Как приятно было делать дырочку в пиджаке нового костюма для долгожданного мастерского значка, а потом пройтись по весенне-солнечному Львову мимо памятника Адаму Мицкевичу!

У витрины кинотеатра Юра задержался, любуясь своим стройным счастливым отражением…

Хлопок по плечу и фраза «Мастера, небось, по шахматам выполнил?» опустили Юру с небес. Он обернулся на незнакомца, смутился и пошёл домой. Значок мастера спорта больше никогда не надевал.

(Рассказал Юрий Огоновский)

Каждому – своё

Запорожские борцы Геннадий Ермилов и Владимир Запорожченко тренировались как-то вдвоём на природе. Пробежали кросс 10 км, переплыли наперегонки Днепр и от усталости упали в высокую траву под могучее раскидистое дерево.

– Володя, скажи, а зачем ты так много тренируешься? – спросил Ермилов.

– Как зачем? – ответил Запорожченко. – Чтобы армию в спортроте отслужить, квартиру тренер обещал мне выбить… А ты для чего так мучаешься?

– А я хочу стать чемпионом мира… – еле слышно промолвил Ермилов.

Из листвы сверху за ними наблюдал ангел. Он улыбнулся и со временем исполнил желание каждого.

(Рассказал Владимир Запорожченко)

Иван Гурков

Вечер знакомств «Вечеринка»
Сценарий. Часть 1

Посвящается Гончаренко Анисиму Архиповичу

– А на «вечарынку» пойдёте?
– На какую «вечарынку»? – отвечал я, смеясь…
– На танцы в клубе…
– Вот раньше были «вечарынки» так «вечарынки».
– А кто будет играть – гармонист… Кто?
– Не каждому… Поручалось – доверялось.
Все волновались. Готовились. Да…

Уже идёт третий день. В этом городке я должен был провести деловую непростую встречу. Будет присоединение и возврат, или будет дальнейшее рассоединение кластера. Но вот идут телефонные звонки, непонятные послания по электронной почте, а встреча, которая должна всё решить, откладывается и откладывается… Руководство моё легло на дно, и… нет его.

И пока я не выработал действие. Что нужно делать, куда идти? А в голове чередой идут какие-то события, и я не могу их поймать за хвост, расшифровать и что-то делать. И внутренне, безусловно, понимаю: сделка и предварительный разговор – это какое-то ничто, но нужно просто куда-то идти. Я просто должен что-то делать.

Всё, хватит… встаю… непроизвольно бросаю взгляд на яркий рекламный листок, который лежит на столике в номере, и выхожу на улицу…

На листке было: клуб знакомств проводит встречу – вечеринку. И вот я на улице, настроение – абсолютный ноль. Иду, оценивающе смотрю на себя в стеклянные стены торговых точек, которые тянутся бесконечно вдоль тротуара.

Вот идёт достаточно пожилой, ухоженный мужчина. Спокойно, несколько разболтанно. Внешне грузноват, но с остатками бывшей спортивности. Хвастун. Да это я.

Крыльцо здания. На котором стоят небольшие группки женщин и мужчин. Некоторые курят. Прохожу крыльцо, не спеша, рассматриваю женщин. Да отмечаю: некоторые тоже смотрят мельком на меня. И, пройдя фойе, прочитав указатель «Вечеринка», вхожу в комнату.

Сразу ко мне подходит высокая, молодая, красивая, яркая женщина и говорит:

– Вы на вечер?

Я несколько растерянно отвечаю:

– Да…

А она продолжает:

– Вы начнёте наш вечер – краткое вступление… что угодно…

– Да, но я впервые у вас, да… и ещё не все зашли, я видел на крыльце…

– А, это хорошо, что впервые, а… не важно, вечер пора начинать. У вас карт-бланш. Идёмте – составите мне компанию.

– Да, но этого не было у меня в планах.

– А… это не важно. Импровизация. Составите мне компанию. Нужно искать новые формы работы. Карусель знакомств наша многим постоянным клиенткам изрядно надоела, а вы, я вижу, действительно впервые на нашем вечере. И вы мне явно подходите… Идёмте.

– Да я впервые. Ну хорошо, но я навряд ли смогу сыграть роль массовика-затейника. Да и из нас не получится пары. Дуэта. Вы такая молодая и красивая, а я не молодой и красивый, а только красивый. Да и после такого утверждения, в настоящее время, нужно смеяться… А вы не улыбаетесь. Я сегодня не готов психологически, – добавляю я.

Но по женщине я уже вижу – она приняла решение, она не ошибается… И от её уверенности я понимаю, нужно убрать растерянность, и понимаю, нужно срочно полностью отвлечься от своих мыслей, своей проблемности и войти в окружающее пространство…

В комнате столики. За какими-то столиками сидят и мужчины, и женщины, но в большинстве случаев сидят либо женщины, либо мужчины.

И вот я и администратор (как я её назвал внутренне) выходим на небольшую эстраду, в углу комнаты, где установлены микрофоны.

Женщина снимает один микрофон и, ничего не говоря, передаёт его мне. И снимает второй микрофон. И, подойдя ко мне боком вплотную, отчётливо говорит в микрофон, глядя то на людей в комнате, то на меня:

– Вечер пора начинать…

И, немного помолчав, опять более уверенно говорит:

– Вечер пора начинать…

И, взяв меня под руку, продолжая стоять боком и повернув вплотную ко мне лицо и глядя мне в глаза, говорит в микрофон:

– Вечер пора начинать…

Я всё ещё несколько растерянно смотрю на неё и, не смотря в зал, отвечаю:

– Ну начинайте.

А она, взяв мою руку с микрофоном, корректирует расположение микрофона.

– Начинайте… Вот лучше вы… Лучше, если вы представитесь.

Тут я достаточно резко регулирую микрофон, отвлекаясь от зала и людей. Я уже обращался с этой конструкцией микрофона, я уже выступал и на новогодних корпоративах, и не только… И говорю, уже обращаясь в зал:

– Вы знаете, я действительно случайно в вашем городе, совершенно случайно решил сходить на вечер, прочёл рекламу… И меня, как мне кажется, тоже совершенно случайно вот только что поймали… А это даёт мне некие права, – продолжаю говорить я. И… начинаю смотреть внимательно в зал на людей, пытаясь поймать волну взаимодействия, но не нахожу её.

Да, контакта с залом нет. Это я чувствую, и чувствую, что мне никто не верит. И понимаю: «Кто же тебе будет верить – ты же говоришь правду».

И я понимаю, что я должен делать. Я понимаю, что я должен распределить нагрузку. Да, меня вот поймали, но я должен тоже кого-то поймать и переключить внимание на этого человека, мне нужна пара – такая, как я, а не эта девочка, на фоне которой я смотрюсь в лучшем случае комично, в худшем – жалко.

И, сжав в руке микрофон, я говорю:

– Мне нужна пара… Понятно, вижу – вы мне не верите… Я начну что-то говорить, а вы мне скажете: «Вот нас он поучает». Поверьте, ничего невероятного я вам не скажу, так как в настоящее время я тоже, как и все вы, пришёл сюда без пары. Бывает…

И тут я вижу, что администраторша несколько растерялась от моего перехода к моей уверенности и заинтересованно смотрит на меня, а потом в зал, но молчит и не предпринимает никаких действий.

– Возможно, в зале, на нашем вечере, есть решительная девушка, которая сама может выйти в зал, и мы… вдвоём будем отдуваться, – продолжаю я.

Но решительности никто не проявляет, зал ещё не раскачался, в комнату в это время заходят девушки и парни из фойе. Они заинтересованно смотрят, и чувствуется, что ничего

не понимают. И, чувствуя, что они что-то пропускают важное, они стремительно и молча рассаживаются.

Зал в нетерпении, полностью ничего не понимает.

Одна за столиком говорит своей подруге:

– Я была прошлый раз – абсолютно было не интересно. А сегодня…

А подруга, у которой проходит скучающий взгляд, смотрит, но ничего не отвечает.

Я спокойно наблюдаю за этими процессами, понимая, что это даёт мне какое-то время осмотреться, и продолжаю.

– Отказываться нельзя. Вы должны будете выйти и сказать несколько фраз. Хотите – о себе, хотите – о причинах, почему вы здесь; как пример: «Просто пришла с подругой, поддержать компанию, хочу подругу выдать замуж, она растерялась по жизни, одна»… И так далее…

Но всё же в зале – одна сплошная нерешительность…

– Так… не получилось… Все мы собрались или по объявлению, или с сайта знакомств. Поговорим кратко про сайт…

Ей пишешь: «Привет». («Девочке» 50 лет!) Ну посмотрела, подумала, ну… тем, чем думается лучше, и решила: «Он мне не нужен: вот у него то, вот у него это». Неважно что. Вы генерал, вы… да что там генерал, вы – маршал! Правы вы, не правы… это вторично. Главное – решение принимаете вы. Только. Говорите своё «да» или «нет». Достаточно! Что-то другое (форма подачи и слова) не важно. Вот прекрасный и, главное, быстрый результат!

А ты, если «нет», пошёл дальше, к другой.

Вторая отвечает: «Здравствуйте!» (Она дала вам надежду, у вас загорелся один глаз, или ещё что-то другое произошло.)

И… у вас словесный понос: «Как вы знакомитесь? Переписка? Или лучше поговорить? Номер Viber ещё лучше. И видишь, и слышишь…»

И тут она: «Без обид, но не вижу смысла в знакомстве с вами, 63-летним мужчиной. (Маме моей 61.) **Ответила из вежливости на приветствие.** Хотя… Может, Вы просто пообщаться хотели…»

Она считает, что из вежливости нужно отвечать. **Из вежливости не нужно тратить чужое время!**

Она не права. Она не поняла. Из вежливости не нужно отвечать! Приняла решение. Остальное лишнее. Это высшая форма вежливости!

Где-то так. Говорить – «нет» или «да».

Второе. Для того чтобы выйти замуж, тоже только нужно уметь говорить – «да». Предлагаю вот здесь потренироваться говорить – «да».

Для этого нужно не много. Просто подняться подойти к микрофону и сказать – «да».

То есть звучит музыка, всё просто, девушка идёт, **все смотрят (!),** а девушка берёт микрофон и говорит – «да». Не хочет замуж, говорит – «нет». Всё. Девушка уходит.

Не нужно тратить чужое время. Это лишнее. Это не вежливо… У нас всех уходит драгоценное время нашей жизни…

Хорошо. Так как никого не нашлось, следовательно, по секрету скажу вам, пару себе я начну сейчас интенсивно искать. Но только себе. Я буду выбирать себе пару, заранее предупреждаю только для себя, а уже не для ведения вечера. – И здесь я вижу администраторшу, и она мне улыбается, но ничего не говорит.

В зале установилась полная тишина, все перестали говорить…

А я продолжаю всматриваться в зал. Администраторша улыбается. В зале тишина, все напряжены.

И после этих слов, я понимаю, что напор нельзя сбавлять… и решительно иду в зал, внимательно всматриваюсь в женщин в зале, и, проходя мимо столика, я вдруг понимаю: вот она… склоняюсь очень близко около женщины. Около полной фигуристой женщины, туфли

на высоких не тонких каблуках, которая сидит боком и как бы склонив голову над столиком. И которая боком смотрит на всё происходящее. И, решительно безапелляционно взяв её за руку, говорю:

– Идёмте. Всё. Вы попались…

Женщина не теряется. Встаёт. Спокойно улыбается и поворачивается ко мне другим боком, продолжая смотреть как бы одним, но уже другим блестящим глазом.

И вот я и женщина, как бы уже вдвоём, не отдельно, возвращаемся на как бы сцену.

Я подхожу, беру микрофон и даю его женщине.

И говорю:

– Вы должны что-то сказать.

Но она улыбается и молчит.

Я, повернувшись к залу быстро и став к ней плотнее боком, говорю ей почти шепча, рядом, но в микрофон:

– Какие у вас духи?

Она говорит – отвечает:

– А вам нравятся?

– Да, нравятся.

– Вы меня на сцену… из-за духов?

– Нет, я так легко, не признаюсь. Хотелось рассмотреть. Вы будете представляться, вы посмотрите: зал полон женщин, они все должны представиться, а то мужчины… они как будут выбирать? Я работаю на мужчин, вы на женщин. Время пошло.

И пытаюсь стать к ней ещё ближе.

Женщина не смущается и просто говорит:

– Ну вы уже совсем… это слишком… перебор…

– Говорите!

Но женщина смотрит вокруг, тихо улыбается и молчит.

– Хорошо, вы не уходите, вы будете нужны, – говорю я и беру её под руку. И, резко повернувшись, но оставаясь как бы наполовину за женщиной и обращаясь уже в зал, говорю: – Так… Третье и последнее. Мне надоело вот здесь за всех отдуваться. Женщину себе я уже нашёл и хочу с ней поговорить, потанцевать, проводить, договориться… Без вас. – И вешаю на стойку микрофон.

И показываю администраторше, что мы уходим. Администраторша подскакивает со стула и подходит к микрофону.

Женщина заулыбалась как-то иначе и повернулась ко мне.

– Идёмте, – говорю я. И женщина, улыбаясь и ничего не говоря, идёт…

И вот мы выходим на улицу, и я беру её под руку и веду её в гостиницу… Понимая, что больше просто некуда идти…

В гостинице на ресепшене дежурная подаёт мне ключ, ничего не спрашивая, внимательно посмотрев и отчётливо видя, что я не один. И мы входим в номер. Я открываю бутылку вина, предлагаю ей присесть… А она проходит по комнате номера к открытой двери лоджии, выходит в лоджию и, глянув на ночной уже город и возвращаясь в номер, берёт протянутый ей стакан с вином… И вдруг, превратившись в решительную и молодую девушку, говорит:

– Рассоединение произошло, и не нужно опять заниматься соединением. Вас подставляют… Я не могла произвести нашу встречу иначе. А так… встретились двое любовников… Почему бы нет… За рассоединение будет оплата. Её вам принесут… А сейчас мы будем чем-то заниматься? – И выпивает вино, всё, не торопясь и в упор смотря меня, опять превращаясь в какую-то только улыбчивую и очень домашнюю женщину…

Утром я проснулся и, подхватываясь на локти, вижу, что «моя» женщина уже вышла из ванной и берёт сумочку с фирменной улыбкой и, говоря мне «пока», направляется к выходу. А я, отряхивая остатки сна, говорю:

– Да подождите вы… для меня случившееся… ну это не просто рядовой эпизод.

– Вы знаете, я уже опаздываю, я уже заказала такси… я должна идти… Да успокойтесь, вы были на высоте, – отвечает она.

Дверь ещё не закрылась, а я, вспоминая молодость, вскочил как сжатая пружина. И, по-армейски надев брюки, носки, туфли, набросив рубашку и сразу надев костюм, бросился вслед без лифта по лестнице, захлопнув дверь в номер. Выбежав в фойе, положил ключ перед дежурной на столик. Вижу, что «моя» улыбчивая женщина как-то незаметно трансформировалась в решительную молодую девушку, не оборачиваясь, выходит и действительно садится в такси… А я бросаюсь к своей машине. И начинается преследование. Утро. Такси идёт не быстро, но и не медленно, уверенно… И видно, таксист хорошо знает каждый поворот улиц города. А я преследую, не прячась, но и не догоняя… впритык. Такси приходит в аэропорт города, и я вижу, как она уверенно идёт к небольшому бизнес-джету. Открытый трап… её встречают, и, как только она поднимается на борт, трап уходит в самолёт, и самолёт некоторое время стоит и начинает движение. Бизнес-джет уходит в небо, не оставляя за собой никакого следа, и я наблюдаю его взлёт и очень медленно продолжаю приходить в себя, как бы выныривая ото сна происходящих событий, как бы ещё не проснувшись. И только сейчас понимаю, что мне нужно дозастегнуть ремень, застегнуть пуговицы на рубашке… И спотыкаясь иду по ровному тротуару к своей машине…

Вернулся в номер. Вижу, на столике небольшой кейс в непрозрачном пакете. Открываю кейс, вижу деньги, закрываю кейс. Убираю почти пустую бутылку из-под вина, достаю из сумки бутылку коньяка и, выпив полстакана коньяка, смотрю на свой, «не свой» – какой-то номер и медленно опять прихожу… откуда-то… Встреча состоялась. Информация поступила. Действие выработано. Я никуда не вмешиваюсь. Перехожу в режим конька, который скользит по льду окружающей жизни. Нужно возвращаться… И ложусь спать…

А утром уже следующего дня мне снится сон, полудрёма-туман. События не из сегодняшней жизни. Я молодой, в военной форме, еду в метро вверх, поднимаюсь вверх по бесконечному эскалатору… Как бы Ленинград, такие эскалаторы были только там… Эскалатор только-только был полон народа, и вдруг что-то происходит, и вот я уже один поднимаюсь в город. И, уже почти доехав, эскалатор останавливается.

Продолжая подниматься, на самых последних ступеньках эскалатора, вижу, сидит молодая девушка – блондинка, и я её спрашиваю:

– Почему вы не выходите?

А она, подняв на меня большие заплаканные глаза, говорит:

– А там некуда выходить.

А я, огибая её и помогая ей подняться, почти силой выволакиваю её наружу и понимаю, а никакого Ленинграда нет… Я вижу полностью какой-то развороченный город, в котором нечем дышать…

И вокруг какая-то чернота, город какой-то неестественно тёмный… и ассоциативно вспоминаю американский фильм – об американской шахматистке, которая приехала в нереально затемнённый СССР, на шахматный турнир. Я вспоминаю артиста в возрасте, который сидит за шахматной доской и с выражением в глазах предлагает ей сыграть в шахматы… И мне кажется, что у него монокль на глазу и он тоже в военной форме… А я почему-то думаю: «Ну вот прибалты отсоединились». И как тогда рассуждали политики? Они должны отсоединяться или не отсоединяться. Но варианта не отсоединяться – не было. Вариант был один. Отсоединяться. Но они должны были, отсоединяясь – уходя, отдать всё, что к ним было присоединено! Уйти, но взять только «своё» и ничего не забрать «лишнего»! И я понимаю. Это какой-то туман. И

всё это осталось, где-то, но не здесь… И я стою смотрю на свою спутницу, и, задыхаясь, понимаю, **что нужно делать (!),** и, не выпуская руку девушки, куда-то иду… и просыпаюсь…

И, проснувшись, не могу вспомнить, а куда я пошёл…

Александр Ефимов

Пьяный лес – Дубровка – Свинчус

Всю ночь дерево, под которым стояла палатка, протяжно скрипело на разные лады. Шумел лес. Сквозь сон казалось, что это шумит море, что это корабль качается на волнах и скрипит на нём мачта. Сколько раз читала я подобные рассуждения и пожимала плечами: «Не похоже». Оказалось, нужна ночь и сильный ветер. А ветер задул не просто так. Погода решительно изменилась, небо заволокло густой белой мглою. Из неё хотел и всё никак не мог пролиться дождь.

В пять утра в лесу не видно ничего, это вам не Приполярный Урал. Такая темнотища, что, выбравшись из палатки за водой, я минуту размышляла, в какую сторону идти. Безнадёжно включила фонарик. Точно такая же темнота наступает вечером, около половины седьмого в лесу и чуть позже в поле. Приходится беречь светлое время: вставать и ложиться рано; отбой был около половины девятого, непривычно. Когда руководитель похода проснулся среди ночи, я, как-то уже выспавшись, спросила, который час. На что руководитель с ужасом ответил, а я с ужасом услышала: только полночь! Ещё пять часов нужно спать!

Важной вехой сегодняшнего маршрута был Пьяный лес под Тырново. Ради интереса взяли восточнее деревни, чтобы выйти к ручью Шатор, протекающему по одноимённому оврагу (впрочем, на вид это балка; да, ведь есть ещё балка с донным оврагом!). В отличие от болот, балки и овраги мне нравятся: есть в них какая-то динамика.

По обочинам лесной дороги стоят грибы. Бездна мухоморов, опят и старых маслят. Маслята растут так, будто кто-то шёл с полной корзинкой и ровно их оттуда сыпал. Нашлись даже белые и горсть лисичек – на суп их. Шатор широк, борта его раздвигаются местами чуть не на сто метров, а в устье, должно быть, и того шире. По северному борту Шатора накатана дорога. Сама балка змеится огромной трещиной в лесу, дно её зарастает осиной и берёзками. Ручей внизу тёмен и тих, его можно перешагнуть в один шаг. Но ниже по течению уже целая котловина налита водой.

Незадолго до этой котловины дорога предусмотрительно делится надвое: одна ветка пересекает Шатор, другая отходит в сторону. Зачем она отходит, становится понятно позже, если двинуться вдоль борта без дороги. На этом участке от балки отрастают длинные и глубокие боковые лапы, в количестве небольшом, но достаточном для того, чтобы проложить дорогу где-нибудь ещё.

Эволюции с Шатором, повторюсь, совершались лишь из интереса. Быстрее и проще попасть к Пьяному лесу через Тырново. Пьяный лес – это несколько участков с хитро выгнутыми деревьями. Перед самым, видимо, зрелищным массивом устроено место для отдыха и повешены таблички. «Учёные и исследователи», что называется, доставляют. Патофизиологи и люди образованные выясняют, а что ещё искривляется в этой роще.

Научное объяснение произошедшему предложено (для данного конкретного места), как я понимаю, пока одно – движение грунта в связи с рядом чрезвычайно влажных лет. Подробнее можно прочитать в статье Людмилы Рубцовой и Алексея Водорезова «Пьяный лес». Да, эта версия не всё объясняет, но с ней можно работать.

Картошка в мундире

Начнём с довоенного времени. Шура (моя мама Александра Сергеевна, девичья фамилия Фомичёва) была младшая в семье. Мария была средняя, старшим был Виктор. Младшие, по своей Наташке знаю, самые озорные и всюду лезут. Главным образом из-за того, что их опекают старшие. Вот и Шура попадала во всякие истории: то ей во время игры в лапту нос расквасили, да так, что пришлось к врачу везти – кровь останавливать, то приходилось от быка спасать… Я об этом уже писал, но если не успел – напишу.

Виктор купил велосипед. Шура, естественно, его угнала. Знаете, как младшие ездят на больших велосипедах? Они не садятся на сиденье, а продевают правую ногу через раму. Так, скособочась, и едут. Управлять только неудобно. Село Юрятино состояло из двух улиц, расположенных буквой «Г». Обе улицы выходили к мосту через реку Протву, а посередине улицы, где был дом Фомичёвых, находился пожарный пруд. Вот Шура в него и въехала. Остановиться не могла, не умела, да и Виктор бежал за своим сокровищем – ругался и размахивал пучком крапивы. Шуру из пруда выловили, повели сушиться, а велосипед вытащили багром.

Семья переехала в Москву, Мария и Виктор обзавелись семьями, а Шура осталась у родителей Марии Васильевны и Сергея Кузьмича. Так что хозяйством занималась её мама, а Шура училась: сначала в школе, а потом в училище на чертёжника.

После начала ВОВ стала переучиваться на медика и, одновременно, работать в Госпитале им. Бурденко. Готовить только так и не научилась, всё под маминой опекой жила…

Закрепили за мамой уже немолодого раненого солдата. Он уже был не «тяжёлый», но ходить ещё не мог.

Подзывает он к себе маму:

– Дочка, вот тебе три картошины, ты на кухню сходи и отвари их в мундире.

Мама картошины взяла, спустилась на кухню и стоит: не знает, что делать.

Повариха увидела и подошла к ней:

– Тебе чего?

Мама:

– Вот раненый три картошины дал, сказал, чтоб в мундире отварила. А я не знаю как. Мне что, рукав от шинели оторвать и в нём варить?

Кухня смеялась не менее часа.

Поварихи потом объяснили – нужно просто картошку не чистить, а так, в кожуре, и варить. Лишнее доказательство, что сестрички совсем девчонки были. Дома мамы готовили.

Петарда, или Жажда познания

Клубные ребята – замечательный народ! Каждый выдающийся. Но особенно замечательный А. К.

Например, удивительно способен по изучению языков. Сейчас знает почти все европейские языки. А способность проснулась неожиданно. Вообще-то он прирождённый гуманитарий, но убедил себя, что технарь.

Вот шёл как-то на экзамен по математике и из любопытства заглянул в мусорный бак. И – ба! Да там шпаргалки по математике! Он туда и забрался.

Забрался, а крышка бака взяла да и упала. Упала и стукнула его по голове.

Вот с тех пор способность к языкам и проснулась.

Так, про петарду.

К. А. и А. Р. захотели повзрывать петарды. Сначала взрывали в холе лестничной клетки. Но их оттуда погнали.

Стали взрывать на лестнице, погнали и оттуда.

Тогда А. Р. сказал: «Давай запрёмся в туалете».

Пошли к К. А. Заперлись в туалете. Подпалили петарду. А бросить ту куда?

Да вот же – в унитаз.

Бросили. Спустили воду. Петарда скрылась из глаз и… Взорвалась и разнесла унитаз.

Бесценный опыт! Только проверить не пытайтесь.

Коротко, но познавательно.

Байконур–1982

В 1982 году моя эксплуатационная практика проходила на Байконуре. Расположились мы на 72-й площадке в гостинице. Как мы туда добирались, рассказывать не интересно, вот и не буду. А само прибытие было очень знаменательным – просто сказочно повезло!

В этот день стартовал экипаж в составе Рукавишникова Н. Н. и венгра. Как звали венгра, я не помню, но посмотрю, должна газета сохраниться со статьёй, посвящённой полёту. Полёт был особенный, но об этом ниже. А сейчас – мы приехали в гостиницу и стали выбирать место, откуда будем смотреть старт. «Союз» стартовал со второй площадки, а «Двойка» – «Гагаринский старт» – была в 10 км от 72-й. Выбрали мы балкончик в торце дома. И не прогадали. Было нас человек эдак 12–20, но на балкончике решили разместиться я, Богайсков Вадим, Кимыч и Кабан (зашифровал на всякий случай, вдруг ещё нельзя рассказывать). Ещё вроде бы Татьяна из параллельной группы.

Старт был ночной. И это была ещё одна удача. Потому что такого великолепия никто из нас не ожидал. Команд мы естественно не слышали, а вот момент старта пропустить было просто невозможно! Появилось зарево, которое очень быстро переросло в солнце, и это солнце поплыло в небо, а по ушам ударил грохот. Если я правильно помню, то даже ударила в лицо волна воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.